

Х. Н. Момджян

„Беседа Дидро с аббатом Бартеlemi“

В апрельском номере французского журнала „La Revue Mondiale“ за 1920 год под заголовком „Дидро и аббат Бартеlemi“ была впервые напечатана до того неизвестная работа великого французского материалиста XVIII века Дени Дидро. Работа Дидро была снабжена следующими примечаниями:

„Публикуемые ниже неизданные страницы Дидро относятся несомненно к числу наиболее блестящих произведений, вышедших из-под пера знаменитого писателя. Они являются не только синтезом философских позрений и стремлений автора „Племянник Рамо“, но отражают также материалистические тенденции и стремления его друзей по борьбе за торжество свободы мысли и принципов Великой Революции.

Излишне добавлять, что мы их публикуем только как документы, тем более, что некоторые места этого произведения находятся в странном противоречии с духом терпимости и безусловным уважением, которое мы питаем ко всем религиозным верованиям“.

Это первое примечание было подписано инициалами N. D. L. R. Второе примечание (неподписанное) гласило, что публикуемая работа есть „отрывок из рукописи из коллекции Эрмитажа, найденный в бумагах Сент-Бева последним его секретарем Жюль Труба“.

Не трудно заметить, что документация столь важной публикации совершенно неудовлетворительна. Обойдены молчанием такие существенные вопросы, как нынешнее место хранения подлинника, его описание, предполагаемое время его написания, какие-нибудь доказательства авторства Дидро и т. д. Нужно полагать, что для издателя авторство Дидро было настолько самоочевидно, что он не нашел даже необходимым его доказывать.

Однако сомнения в том, принадлежит ли „Беседа Дидро с аббатом Бартеlemi“¹ перу Дидро, возникли у нас, и в результате эта

¹ Так как этот заголовок принадлежит не самому Дидро, а издателю рукописи, мы предпочли назвать работу „Беседа Дидро с аббатом Бартеlemi“, аналогично другим названиям работ Дидро, написанных в форме диалога, как „Разговор Даламбера с Дидро“, „Беседа философа с женой маршала де ***“ и др.

работа не была помещена в изданных томах десятитомника собрания сочинений Дидро на русском языке (издательство Academia, а затем Гослитиздат). Еще в 1939 году на наш запрос о причинах непомещения „Беседы“ в названном собрании сочинений редакция ответила, что вопрос об авторстве Дидро вызывает сомнения. Это вынуждает нас кратко остановиться на аргументах, бесспорно доказывающих авторство Дидро.

Достаточно сравнить данное произведение с другими работами Дидро, изложенными в форме диалога, как „Беседа философа с женой маршала де****“, „Разговор Даламбера с Дидро“ и др., чтобы убедиться в их языковом и стилистическом тождестве. Как и перечисленные работы, „Беседа“ написана живым, образным, до предела ясным языком Дидро. Все тот же легкий, щадящий собеседника, добродушный юмор Дидро мы обнаруживаем в „Беседе“. Здесь также, как и в других работах мыслителя, мы сталкиваемся с характерной для него терпимостью по отношению к „инакомыслящему“. Ни одного грубого и резкого выпада по адресу упорствующего собеседника. Речь Дидро лишена того материалистического и атеистического „фанатизма“, который так часто можно встретить в произведениях некоторых других французских материалистов XVIII века. Дидро с большим тактом и терпением разбирает аргументацию противника, вскрывает ее логическую несостоятельность и расхождение с фактами. В „Беседе“, как и в других своих произведениях, написанных в форме диалога, Дидро не упрощает аргументацию противника, чтобы затем одержать над ним легкую победу.

Одним из доказательств авторства Дидро нужно считать наличие в „Беседе“ целого ряда мыслей и афоризмов, встречающихся в других более ранних произведениях философа. Мы приводим некоторые из них:

„Много званных, но мало избранных, аббат! Значит, все-таки, несмотря на подвиг нашего божественного искуителя, победа остается за дьяволом“.

„Беседа Дидро с аббатом Бартеlemi“, настоящее издание, стр. 128.

„И все ваши непреложные догмы: ваш бог в трех лицах, ваши злые ангелы, которые восстают против своего творца... ваша пресвятая дева, которую посещают молодой человек и голубь и которая становится беременной, но не от молодого человека, а от птицы... все это, дорогой аббат, мифология...“

„Беседа“, стр. 131.

Дидро— Вы рисуете вашей пастве две перспективы, два исхода: рай и ад. И ад преобладает, он торжествует; вы

„Если на одного спасенного приходится сто тысяч погибших, то значит дьявол все-таки остался в выигрыше, и не послал на смерть своего сына“.

Д. Дидро „Прибавление к философским мыслям“. Собр. соч., изд. Academia т. I, стр. 125.

„Одна молодая девушка жила очень уединенно. Однажды ее посетил молодой человек с птицей в руках, и она забеременела. Спрашивается: кто произвел ребенка? Странный вопрос! — Конечно птица.“

„Прибавление к философским мыслям“, стр. 133.

„Возьмем отца семейства, католика, убежденного, что надо буквально выполнять евангельские наставления, чтобы

не утешение приносите, а запугиваете, терроризируете. И так, чтобы раз навсегда устранить эти страхи и подшутить над сатаной, было бы более осторожным и мудрым каждого новорожденного, как только над ним совершено таинство крещения, превращающее его в христианина и широко открывающее перед ним врата неба, немедленно посылать туда—вверх или вниз...

А б а т—Посылать? Как же так? Убивать?

Дидро—Ну, да. Очень просто...

„Беседа“, стр. 128.

„Мог ли я думать, что для того, чтобы найти путь во мраке, в который ты меня поверг, я должен был с самого начала потушить мой фонарь, мой единственный светоч, этот ничтожный огарок, этот бедный, слабый разум, которым ты же меня одарил“.

„Беседа“, стр. 140.

не попасть в так называемый ад, ввиду крайней трудности достигнуть такой степени совершенства, несовместимой с человеческой слабостью, я не вижу для этого иного выхода, как взять своего ребенка за ноги и раздробить ему голову о землю или задушить его в момент его рождения. Этим он спасет его от мук ада и обеспечит ему вечное блаженство“.

„Прибавление к философским мыслям“, стр. 134.

„Я заблудился ночью в дремучем лесу, и слабый огонек в моих руках—мой единственный путеводитель. Вдруг предо мной вырастает незнакомец и говорит мне: „Мой друг, задуй свою свечу, чтобы вернее найти дорогу“. Этот незнакомец—богослов“.

„Прибавление к философским мыслям“, стр. 124.

Поскольку „Прибавление к философским мыслям“ было издано в 1770 году, т. е. до написания „Беседы“, как это мы покажем ниже, может подняться вопрос, не была ли она написана кем-либо в подражание Дидро с использованием мыслей и афоризмов последнего?

Но в „Беседе“ были использованы не только мысли, изложенные в „Добавлении к философским мыслям“. В ней мы встречаем поддержку из письма Дидро к Софии Воллан от 6 октября 1765 года.

В „Беседе“ сказано:

„Везде, где признают бога, существует культ, а повсюду, где есть культ, там нарушен естественный порядок нравственных обязанностей человека“.

В письме Дидро к Софии Воллан мы читаем:

„Везде, где признают бога, существует культ, а где есть культ, там нарушен естественный порядок нравственного долга, и нравственность падает“.

Как известно, письма Дидро к Софии Воллан были впервые напечатаны в 1830—31 г. г. Таким образом возможное возражение, что „Беседа“ написана кем-либо в подражание Дидро, лишается разумного основания. Совершенно неправдоподобно, чтобы кто-либо уже в XIX веке, скрываясь под именем Дидро, попытался написать работу, почти сплошь состоящую из уже опубликованных мыслей и афоризмов Дидро.

Трудно точно установить время написания „Беседы“. Поскольку в названной работе Дидро упоминает путешествие Бугенвилля, то следовательно она написана не раньше 1771 года, т. к. свое кру-

госветное путешествие Бугенвилль закончил в 1769 году, а отчет об этом путешествии он напечатал лишь в 1771 году.

* * *

Публикуемая впервые на русском языке „Беседа Дидро с аббатом Бартеlemi“, бесспорно, является одной из ярких произведений великого материалиста XVIII века. Видимо не собираясь опубликовать работу, Дидро открыто и последовательно выразил в ней свои атеистические взгляды.

Обнаружение и опубликование этой работы есть новый и весьма чувствительный удар по тем, которые вот уже свыше 100 лет пытаются исказить подлинную философскую физиономию Деяни Дидро. Мы имеем в виду стремление части буржуазных историков философии снять с Дидро „обвинение“ в материализме и атеизме.

Никто при жизни Дидро не сомневался, что в его лице идеалистическое и религиозное мировоззрение имело непримиримого и талантливое врага. Не случайно, что все современные Дидро реакционеры и обскуранты с ожесточением ополчились против него, как против „нечестивца“, который не оставляет в своей философии никакого места для спиритуализма и сверхъестественного. Лишь после того, как отгремели громы Великой Французской буржуазной революции, и пришедшая к власти буржуазия приступила к идеологическому перевооружению и примирению с идеализмом и религией, лишь тогда начались усиленные поиски элементов сверхъестественного в философском наследстве Дидро. Многие из буржуазных писателей, желая во что бы то ни стало сохранить имя создателя и редактора великой Энциклопедии, начали причислять и одевать Дидро по современной моде. Нужно было в угоду вкусам пореволюционной буржуазии превратить Дидро в добропорядочного и благоразумного мещанина, а для этого необходимо было избавить его от обвинений в материализме и атеизме. В 1847 году вышел первый том избранных работ Дидро. Франсуа Женни в вводной статье, посвященной жизни Дидро, приложил немало усилий для того, чтобы представить материалиста и атеиста Дидро как мирного... религиозного реформатора. Характерно, что в дальнейшем эта статья Женни была помещена в *Nouvelle Biographie g n rale*, в энциклопедии, которая претендует на абсолютную точность и объективность.

Попытки фальсификации подлинного философского кредо Деяни Дидро особенно усилились после революции 1848 года, когда многие буржуазные идеологи, выбросив за борт остатки своего былого вольтеррианства, бросились в объятия католической церкви.

В 1881 году на страницах английского журнала *The Nineteenth Century* Поль Жане сделал попытку коренного пересмотра оценок Дидро как материалиста. Жане разбил философское развитие Дидро на три этапа: в первый период своего развития Дидро, согласно

Жане, является деистом, но второй период он становится сторонником материализма, но „материализма своеобразного, с тенденциями в сторону пантеизма“¹. Наконец, по заверению Жане, наступает третий период в развитии Дидро, когда у него начинается реакция против материализма и атеизма. Итак, Дидро не был материалистом в настоящем понимании этого слова, а к концу жизни даже выступил против материализма. Каким путем Жане приходит к столь сенсационным выводам? Очень простым и легким путем. Он попросту запутывает отличительные особенности материализма и идеализма. Определения, данные Жане основным направлениям в философии, дают возможность вычеркнуть из списка материалистов всех, за исключением, быть может, только Демокрита и Эпикура. На самом деле, что такое материализм согласно Жане? По его определению материализм есть гипотеза, согласно которой развитие универсума определяется столкновениями и комбинациями первичных молекул, существенными свойствами которых являются протяженность и твердость. „Объяснение развития универсума случайными столкновениями атомов, — пишет Жане, — объяснение чувствительности и мышления соединением и разъединением атомов, вот настоящий материализм, больше того — единственное учение, которое может называться материализмом“.² Следовательно, всякий, кто идет дальше античного атомизма, — согласно Жане, перестает быть материалистом. Дидро тем более не материалист, т. к. он приписывает молекулам способность ощущения. Из утверждения Дидро, что природа находится в вечном движении и развитии, Жане делает вывод, что Дидро... стоик, ибо превращает природу в живой организм. Элементы диалектики, так обильно представленные в философии Дидро, воспринимаются Жане как отход от материализма. Материалистическая критика Дидро Гельвеция, который порой стирал грани между ощущением и мышлением, также рассматривается Жане как шаг в сторону идеализма. Эту путаницу и искажение правильных оценок философских взглядов Дидро со стороны Жане не трудно понять, если иметь в виду, что Жане отождествляет материализм вообще с примитивной его формой. Что касается утверждения Жане о том, что будто бы в последний период своей жизни Дидро отошел от материализма, следует сказать, что это утверждение, помимо всего, основательным образом опровергается воспоминаниями англичанина Самуила Ромильи, который встретился с Дидро в 1781 году, т. е. за три года до смерти Дидро. Как рассказывает Ромильи, Дидро отмечал заслуги англичан, проложившие пути к здоровой философии, но указывал вместе с тем, что французы благодаря своей умственной отваге опередили своих учителей-англичан. „Вы примешиваете, — говорил Дидро, — к вашей философии теологию; это значит все пор-

¹ *Paul Janet. La philosophie de Diderot. Le dernier mot d'un matérialiste. „The Nineteenth Century“ № 5, april 1881, p. 686.*

² *Ibid.*

тить и смешивать ложь с истиной; il faut sabrer la théologie (нужно вычеркнуть теологию. Х. М.).¹ Дидро, — рассказывает Ромильи, — восторженно говорил о своем полном неверии в существование сверхъестественного и, чтобы „завершить мое излечение от моих жалких заблуждений, он прочел мне сначала до конца небольшое написанное им сочинение“ („Разговор философа с женой маршала де***“. Х. М.).¹

Не излишне вспомнить, что по свидетельству дочери Дидро — Вандель, последними услышанными ею словами с уст умирающего отца были: „Неверие есть первый шаг к философии“.

Несмотря на всю несостоятельность попыток превращения Дидро в идеалиста и религиозного мыслителя, эти попытки продолжались с неослабевающей силой. В 1894 году Иосиф Рейнак выступил с чрезвычайно двусмысленной оценкой философии Дидро. В своей работе „Diderot“ Рейнак изобразил Дидро как человека непоследовательного и изменчивого в своих взглядах и принципах. Дидро, в неправильном освещении Рейнака, вечно ищущий, колеблющийся мыслитель, то страстно отвергающий бытие бога, то признающий его существование. Не сумев привести ни одного доказательства в пользу последнего утверждения, Рейнак был вынужден ограничиться предположениями: „Дидро, — писал Рейнак, — долгое время был деистом и пантеистом и нельзя твердо сказать, не пришел бы он позднее к идее бога, как „души мира“.“²

Была сделана попытка представить Дидро как защитника христианской морали. Ланфрей свою работу „L'Eglise et les philosophes au dix-huitième siècle“ заканчивает утверждением, что французские философы XVIII века и в их числе Дидро критиковали лишь темные стороны деятельности церкви, не затрагивая евангельскую мораль. Больше того, Ланфрей французскую атеистическую философию XVIII века рассматривает как дальнейшее развитие... христианской морали. „Если под христианством подразумевать сумму моральных истин, изложенных в евангелии, — заявляет Ланфрей, — то тогда нет противоречия между религией и философией XVIII века. Напротив, между ними имеется связь, гармония...“.³ Таким образом Дидро, автор таких работ, как „Речь философа, обращенная к королю“, „Беседа философа с женой маршала де****“ и др., где он камня на камне не оставил от евангельской морали, с легкой руки Ланфрея, вместе с другими своими единомышленниками, попадает в число адептов „чистого“ евангельского христианства.

По другой линии извращения философских взглядов Дидро пошел Думи. Он выступил с заявлением, что Дидро не был материалистом и атеистом, что во всем виноват душеприказчик Дидро Жак

¹ *Memoirs of sir Samuel Romilly*. Цитир. по книге Д. Морлея „Дидро и энциклопедисты“, стр. 422.

² „Diderot“ par Joseph Reinach. Paris, 1894, p. 161.

³ *Lanfrey, „L'Eglise et les philosophes au dix-huitième siècle“*, p. 364.

Нежон, который якобы после Дидро „атеизировал“ его рукописи.¹ Думи настолько был увлечен этой находкой, что не обратил внимания, что многие из важнейших материалистических и атеистических работ Дидро были напечатаны при жизни философа.

Сделанный нами небольшой обзор литературы, сознательно искажающей подлинное лицо философа Дидро, показывает, насколько велико значение обнаружения новой работы Дидро, написанной без цензурных соображений и не „побывавшей в руках Нежона“, как нового удара по фальсификаторам наследства великого корифея материализма и атеизма XVIII века.

Публикуемая ниже работа не включает в себе ни одного положения, которое входило бы в противоречие с принципиальными философскими установками Дидро, изложенными в других его работах. „Беседа“ по существу является живым, популярным изложением тех атеистических выводов, которые были сделаны Дидро из материализма. И в этой работе Дидро предстает перед нами как убежденный материалист и атеист. Встречающиеся в работе отдельные его заявления на подобие того, что, когда он говорит с атеистами, ему в голову приходят все доказательства бытия бога (стр. 132), может свидетельствовать только о пытливом уме Дидро, который подвергает сомнению не только аргументацию в пользу бытия бога, но и аргументацию атеизма, не для того, конечно, чтобы опровергнуть последнее, а напротив, для того, чтобы убедиться в ее истинности.

В „Беседе“ Дидро выступает против всех форм религиозного мышления, не исключая деизма, сторонником которого он был на более ранних ступенях своего философского развития. В этом отношении весьма характерна оценка Дидро, даваемая своему известному письму к Вольтеру от 11 июня 1749 года.

Как известно, это письмо, написанное тогда, когда Дидро уже совершил переход от деизма к атеизму, включал вместе с тем несколько строк словословия в честь деистического бога. И вот двадцать с лишним лет спустя Дидро в „Беседе“ (стр. 132) заявляет, что эти строки о признании бога были написаны только для того, чтобы доставить удовольствие деисту Вольтеру.

Нельзя придавать принципиальное значение отдельным заявлениям Дидро в „Беседе“, которые кажутся сделанными в духе агностицизма и скептицизма. Так, Дидро несколько раз заявляет, что он не отрицает существования бога, т. к. не знает ничего достоверного по этому вопросу:

„Я,—заявляет он,—всего-навсего несведущий человек, который, однако, настолько искренен и смел, что не боится сознаваться в своем незнании. Я имею смелость заявлять: „Я не знаю“ (стр. 125).

Однако, внимательное чтение „Беседы“ неоспоримо свидетельствует, что эти заявления нужно отнести только за счет особенно-

¹ Doumic R. Les manuscrits de Diderot. „Revue des deux Mondes“ 15 oct. 1902.

стей диалектики Дидро, в старом понимании этого слова. Как было сказано выше, Дидро воздерживается от резких заявлений и категорического отрицания установок своего религиозномыслящего собеседника. В споре он не действует методами прямой атаки на позиции противника, а предпочитает часто идти в обход.

Однако, эти кажущиеся „агностическими“ высказывания не мешают Дидро спокойно и последовательно показывать в „Беседе“ всю противоречивость и неразумность идеи бога, всю абсурдность ее допущения и заявлять о своем неверии.

„Я не могу сказать, — заявляет Дидро, — что это отсутствие веры меня очень беспокоит, что оно гнетет, волнует, отравляет и мучит меня днем и ночью, и что я теряю от этого способность пить и есть. Увы, нет! Я не могу это сказать, так как, наоборот, это неверие или незнание совершенно не нарушает моего спокойствия и равнодушия“ (стр. 133).

Отдельные, вырванные из контекста фразы Дидро могли бы дать основание заподозрить его в пренебрежительном отношении к принципиальным теоретико-познавательным проблемам философии и в первую очередь к вопросу об отношении мышления к бытию в духе последующего позитивизма. Так, в одном месте („Беседа“, стр. 136) Дидро как будто бы сочувственно цитирует слова Паскаля о том, что „всякий философский спор, даже вся философия не стоит и часа труда“.

Следует ли специально оговаривать, что это пренебрежительное отношение распространяется со стороны Дидро не на философию вообще, а на мертвые, схоластические, оторванные от действительности спекулятивные философские системы, а в особенности на теологию, которая, по глубокому убеждению материалиста Дидро, по истине не заслуживает и часа труда.

Стоит внимательно проследить ход мыслей Дидро в „Беседе“, чтобы стало ясно, что там, где Дидро говорит о ничемности философских споров, он подразумевает схоластические и богословские споры или, вернее, схоластический и богословский подход и трактовка важнейших философских проблем.

Разве не было бы бессмысленно пытаться искать позитивистического отрицания значения теоретико-познавательных проблем у Дидро, который вошел в историю философии как один из самых тонких и глубоких гносеологов, у Дидро, автора таких работ, как „Разговор Даламбера с Дидро“, „Сон Даламбера“, где с полным пониманием значения вопроса и с таким мастерством дано материалистическое разрешение основного вопроса философии, вопроса об отношении мышления к бытию.

В „Беседе“, как и в других работах Дидро, нашли свое выражение ряд специфических недостатков и слабостей французского материализма XVIII века. Подвергая религию глубокой, многосторонней и остроумной рационалистической критике, Дидро вместе с тем

не в состоянии рассматривать ее как одну из форм общественного сознания, имеющую свои глубокие социальные корни. Вот почему ему, как и другим домарксовым материалистам и атеистам, казалось, что религиозное мировоззрение можно преодолеть одной просветительской деятельностью.

Для справедливости нужно отметить, что прозорливый Дидро порой сомневался в достаточности просвещения, как средства для преодоления религии. Эти сомнения нашли свое выражение в „Беседе“ в том, что Дидро устами Бартеlemi неоднократно задает себе вопрос, можно ли вообще преодолеть веру в сверхъестественное? Несколько раз он избегает от прямого ответа на поставленный вопрос. Наконец (на стр. 137) он заявляет, что терпимость в вопросах вероисповедания современем приведет к равнодушию по отношению к религии (христианству) и предопределит исчезновение последнего через 200—300 лет. Но тут же, усомнившись в правоте своего предсказания, он вынужден довольствоваться обще-методологической постановкой вопроса. Дидро, стихийно угадывая диалектику развития всего сущего, заявляет, что все существующее обречено на неминуемое исчезновение, и религия не составляет исключения. „Непреложно,—говорит Дидро,—только то, что на нашем земном шаре все преобразуется и изменяется, все увядает, блекнет, потухает, умирает и исчезает. Это общий закон, и вы от него никуда не уйдете, несмотря на все ваши пророчества и ваше: Tu es Petrus“.

„Беседа“ бесспорно относится к той яркой, боевой, убеждающей просветительской литературе XVIII века, значение которой, несмотря на присущие ей недостатки, так высоко оценена классиками марксизма-ленинизма.

* * *

Публикуемый ниже перевод „Беседы Дидро с аббатом Бартеlemi“ сделан нами с французского текста, напечатанного в зпельском номере журнала „La Revue Mondiale“ за 1920 г.

Дени Дидро

БЕСЕДА ДИДРО С АББАТОМ БАРТЕЛЕМИ

(о молитве, боге, душе, загробной жизни и пр.)

Дидро—Я полагаю, аббат, что Вам не понравилось бы разговаривать с кем-нибудь, кто никогда не отвечал бы Вам на ваши вопросы?

Аббат—Конечно.

Дидро—Ну, а когда Вы молитесь, т. е. когда Вы обращаетесь с речью к богу или к деве Марии, какой ответ Вы получаете?

Аббат—Я и не жду ответа.

Дидро—Но к чему же тогда разговаривать?

Аббат—Вы ошибаетесь, дорогой философ, Вы смешиваете два понятия. Молитва—не разговор.

Дидро—Что же это? Монолог?

Аббат—Да, если хотите. Это—восхождение нашей души к богу. Это—излияние наших чувств перед ним, это—доказательство и дань нашей любви и нашей благодарности ему, очень часто это—также просьба, мольба.

Дидро—Но к чему такая просьба, где гарантия и согласие на ее выполнение, раз она всегда, упорно и неизменно остается без ответа? Словом, ваш бог, дорогой аббат,—это вечное безмолвие; так, кажется, сказал Флешье. Вы никогда не слышите его голоса. Вы напрасно будете звать к нему: „Отче! Отче! Сжался!.. Прости! Умоляю тебя...“ Как бы ваши молитвы ни были пламенны и пылки, умилительны, трогательны, убедительны, вы никогда даже не узнаете, дошли ли они до него. Вы никогда не услышите, чтобы этот милосердный отец, к которому вы так страстно взываете о помощи, ответил вам: „Дитя мое!“ Помните женщину, которую мы как-то видели с вами в церкви Сен-Рош, распростертой перед статуей богородицы? Она молилась, плакала, рыдала... Это было душу раздирающее зрелище. Вас это так растрогало, что вы подошли и заговорили с ней.

Аббат—Я помню. Она молилась за свою пятнадцатилетнюю дочь, которая умирала.

Дидро—И как она молилась и рыдала! Несчастливая! Ее скорбь тронула бы камень. Но каменная богородица не повела даже бровью, не двинулась... или по крайней мере мы ничего этого не заметили. Ну, а ребенок? Он был спасен?

Аббат—Нет, он умер, и умер как раз в то самое время, когда его мать стояла на коленях в церкви.

Дидро—Бог, вероятно, спешил призвать к себе эту молодую душу. Ему не хватало ангелов.

Аббат—Может быть. Но ее душа, конечно, взошла на небо. Господь оказал ей милость.

Дидро—Кому ей? Матери?

Аббат—И матери, и девочке—обеим. Разве мы знаем, что нам нужно? Разве всемогущий бог, в своей бесконечной мудрости, не знает лучше нас самих, что для нас благо?

Дидро—Почему же он тогда нам этого не скажет? Зачем было допускать, чтобы эта бедная женщина плакала, рыдала и корчилась от боли? Вы помните? Это раздирало душу, это было ужасно. А ведь достаточно было бы одного слова: „Я призываю к себе тех, которым я оказываю предпочтение. Радуйся поэтому, женщина, вместо того, чтобы предаваться отчаянию...“.

Аббат—Да, это сущая правда! Это именно так.

Дидро—А вот этого-то несчастная мать не допускала и не понимала. И сколько других матерей находятся в том же ослеплении; они предпочитают сохранять своих детей при себе, в этой долине слез, чем видеть, как они возносятся на небеса! И когда я говорю видеть, „видеть, как они возносятся“, это только слова, способ выражения, т. к. мы ровно ничего не видим... Веки закрываются, голос слабеет и угасает, разум затемняется и исчезает, нет ни движения, ничего больше...

Аббат—Да, для вас, Дидро, смерть в самом деле конец всему.

Дидро—Не вынуждайте меня говорить об этом, аббат. Не будем заходить так далеко. Хотя я могу с успехом возразить, рассказав вам известную легенду по поводу воскрешения Лазаря: „Что ты видел там, после своей смерти?—„Да ничего, учитель. Там нет ничего“. отвечает Лазарь. И Иисус шепчет ему на ухо: „Да, там ничего нет, но не говори об этом никому“.

Аббат—Это легенда, конечно! Чистейшая легенда!

Дидро—Согласен. Но, что касается меня, я признаю только то, что вижу. О нашей же душе, ее сущности, происхождении, участи, о том, что будет с нею после нашей смерти, и прежде всего о том, действительно ли мы обладаем душой... так как, в конце концов, я этого не узнаю,—я ничего не могу утверждать. И мне кажется, что те, которые так легко и охотно говорят об этом с амвона, знают об этом не больше меня.

Аббат—Однако, если вы отрицаете существование души...

Дидро—Я ничего не отрицаю. Я не знаю.

Аббат—Тогда вы должны отрицать и существование бога.

Дидро—Нет, это не причина. Но еще раз повторяю, аббат: я ничего не хочу отрицать. Я всего-навсего несведущий человек, который, однако, настолько искренен и смел, что не боится сознаться в своем незнании. Я имею смелость заявлять: „Я не знаю“. И я замечаю, что мы постоянно рассуждаем о многих вещах, которых мы не только не знаем, но и не можем знать,

т. к. они находятся за пределами нашего разума, что, скажем в скобках, должно было бы убедить нас в их бесполезности, так как все, что является вечным предметом споров, уже тем самым вечно для нас бесполезно, как писал об этом недавно Вольтер. И в силу какого-то рока, именно те вещи, о которых всего больше говорят, являются менее всего понятными! Сколько наших самых употребительных оборотов речи не имеют вообще никакого смысла! „Бог призвал его к себе“. Откуда вы это знаете? Разве бог удостоил вас своих откровений? „Бог поспешил призвать его“. Не особенно-то спешил, раз покойник прожил добрых девяносто лет. „Она вознеслась на небо“, только что сказали вы о девочке, похищенной у ее набожной матери. Но что такое небо? Где оно расположено? Возносятся ли туда? Вы говорите, „там наверху“. Но то, что сейчас „наверху“, сегодня вечером будет „внизу“, потому что земля вертится, если вы только не будете вместе с папой Урбаном и святой инквизицией отрицать вращение земли.

Аббат— До этого я не дошел, мой друг.

Дидро— Древние по крайней мере знали, где расположить свой рай, во всяком случае, они пытались... Одни считали, что он находится на Канарских островах, которые они прозвали благоденственными, *Agva beata*; другие— выше, в Ирландии; третьи.....

Аббат— Словом, они не могли договориться об этом, как и о многом другом.

Дидро— Совершенно также, как и мы с вами, аббат.

Я прочел сегодня утром в „Истории Швеции“, что король этой страны восторжествовал над врагами благодаря промыслу божию. Между тем, по поводу той же победы, оспариваемой и отрицаемой турками, последние заявляли, что провидение, конечно, не допустило бы их поражения..., а испанцы считали также, что провидение осталось глухим к мольбам шведского короля... Вы видите, как каждый судит о провидении, как ему вздумается, мерит его на свой аршин, заставляет его действовать и рассуждать соответственно своему желанию. Приходится, следовательно, допустить существование провидения лютеранского или, по крайней мере, шведского, мусульманского или турецкого, провидения испанского, не считая всех остальных: русского, польского, английского, французского. Подумайте, в каком затруднительном положении очутилось бы провидение, если б оно было одним и единым, раз каждый народ взывает к нему об одном и том же, побуждаемый, однако, совершенно различными интересами и желаниями. И не следовало бы сперва убедиться, что это многоликое и разноликое божественное провидение будет и в самом деле утруждать себя нашими мелкими делами, что представляется мне крайне проблематичным? Подумайте только, сколько преступлений, постыдных

поступков и гнусностей мы ввалили бы на спину этой августейшей принцессе! На мой взгляд, умнее всего для нас было бы думать о ней не больше, чем она думает о нас. Да, аббат, в том-то и состоит наша великая ошибка,—и я боюсь, что так будет еще очень долго,—что мы постоянно спорим о вещах недоступных нашему пониманию, нашим умственным способностям, и поэтому не можем прийти к какому-нибудь определенному и практическому выводу, и не добиваемся никаких других результатов, кроме разжигания раздоров и ненависти, ужасной ненависти, сопровождаемой самими жестокими гонениями. Разве эта ненависть одних народов к другим не порождается чаще всего религиозными расколами и при том в прямой пропорции к рвению, воодушевляющему эти народы на божьи дела? Если б только у нас хватило ума и здравого смысла остановиться на этом гнусном пути и перестать терзать друг друга, душить и сжигать живьем только потому, что мы рассматриваем Абсолютное с различных точек зрения или думаем различно о таинстве оплощения или евхаристии! К чему нам блуждать в этом тумане, а не просто заниматься вопросами обыденной жизни, тем, что мы можем видеть, наблюдать и проверять? Несчастья скольких людей порождены исканием и магией сверхъестественного“...

Аббат—Не только несчастье, но и утешение и радость.

Дидро—Бывают, конечно, утешительные заблуждения. Я не оспариваю это. Врач убеждает больного, что ему лучше, говорит умирающему, что он выздоравливает и через неделю будет на ногах. А этот несчастный выпускает дух в тот же вечер. Но днем луч надежды согрел его сердце и утешил его. Ложь врача облегчила последние минуты больного. Это уже много. Но пусть это доброе не мешает нам видеть, что оно порождено злом, ложью.

Аббат—Позвольте! То утешение, которое мы получаем от религии и надежды, которыми она нас озаряет—отнюдь не ложь.

Дидро—Конечно, аббат, и я не смею спорить... Но эти обещания ведь лишены гарантии и доказательств, я подразумеваю ясных и осязаемых доказательств. Вы уверяли эту несчастную мать, о которой шла недавно речь, что ее дочь вознеслась прямо на небо и пребывает теперь в логе всевышнего. Но ведь это только слова: *haec sunt verba*, больше ничего. В действительности же бедный ребенок был заколочен в дубовый или сосновый ящик и зарыт в землю. Вот все, что можно было точно констатировать. Остальное, потустороннее, это уже дело воображения, предположений и желаний... Это область грез. Что вы утешили мать, гарантировав ей воскрешение и спасение ее дочери, „с которой она встретится когда-нибудь на небесах в обители избранных“,—это очень хорошо, это пре-

красно. Но ведь вы раз хотите, аббат, чтобы вам поверили на слово. Мудрец же не довольствуется простым утверждением: *sapiens nihil affirmat quod non probet... Quod gratis assentur gratis negatur*; мы можем разрешить себе немного латыни, между нами, не правда ли.....?

Аббат—Вы никогда не заставите толпу отказаться искать этих высших утешений, жаждать сверхестественного и находить в нем утешение.

Дидро—Возможно. Но разве вы преподнесите вашей пастве всегда только утешение? Эге! Далеко не всегда. Посмотрите на нашего бедного друга Демаи. Человек с таким веселым, сговорчивым и очаровательным характером, с такими хорошими наклонностями,—и вот им овладела мысль, что он будет гореть в аду и ему представляется даже, что он уже жарится и поджаривается на вечном огне во искупление своих грехов. Разве это не ужасно?

Аббат—Это безумие.

Дидро—Безумие это или нет, но разве по-вашему религия его утешила? А сколько, сколько других людей находятся в таком же состоянии, испытывая тот же вполне объяснимый, но отвратительный страх перед геенной огненной... Вспомните, как Массилон проповедует с амвона церкви св. Евстахия о небольшом числе избранных. Много званых, но мало избранных, аббат! Значит, все-таки, несмотря на подвиг нашего божественного искупителя, победа остается за дьяволом. Вспомните, всеобщий ужас, какую страшную панику вызвала эта проповедь Массилона у тех, кто его слушал в церкви! Эти люди никак не могли считать себя утешенными. Вы рисуете вашей пастве две перспективы, два исхода: рай и ад. И ад преобладает, он торжествует; вы не утешение яряносите, а запугиваете, терроризируете. И так, чтобы раз навсегда устранить эти страхи и подшутить над сатаной, было бы более осторожным и мудрым каждого новорожденного, как только над ним совершено таинство крещения, превращающее его в христианина и широко открывающее перед ним врата неба, немедленно посылать туда—вверх или вниз...

Аббат—Посылать? Как же так? Убивать?

Дидро—Ну да, очень просто... Не так давно английский писатель Ионатан Свифт в своем „Скромном предложении“ подал такую мысль, что недурно было бы детей из бедных ирландских семей, которые все равно умрут с голоду, подкормить, а потом зарезать их, как телят или ягнят, и чтобы с этой целью были открыты специальные лавки детского мяса для джентльменов, отличающихся особенно утонченным вкусом. Я не так требователен и избавляю вас от работы по предварительному откармливанию. Я предлагаю только отправить, и возможно скорее,

всех этих маленьких ангелочков к богу с тем, чтобы они могли избежать почти неминуемой для них участи, если они останутся на земле,—отправиться после смерти в ад и там вариться в котлах или жариться на сковородах целую вечность. Над этим стоит призадуматься, аббат. Геенна огненная! Где будет плач и скрежет зубовой! И это навеки! Навеки! Скажите, разве не было бы в тысячу раз лучше немедленно отправить их к богу?... Я даже иду дальше. Не могли ли бы мы поступить также и со взрослыми, поручая духовнику очистить их от грехов, и, как только они получили отпущение грехов, немедленно же их... Вы понимаете, что тут мешкать не приходится!

Аббат—Но это нелепо!

Дидро—Нелепо! Нет, наоборот, это было бы очень разумно. Подумайте только, ведь речь идет о вечных муках! Я вам предложил самый лучший способ, конечно, очень радикальный, признаюсь, но ведь тут речь идет о вечных муках.—обмануть, надуть, обойти ангела мрака, проклятого сатану, который непрестанно подстерегает наши души, чтобы схватить их и посадить на вилы. Вы не забыли случая с преступником, который в руанском театре заколол кинжалом свою соседку, молодую девушку, с которой он не был знаком и которую он никогда не видел раньше. Он не имел других поводов к убийству, кроме желания, чтобы его приговорили к смерти, что давало ему возможность получить отпущение грехов, перед тем, как его будут колесовать или вешать, ибо если бы он покончил жизнь самоубийством, он не получил бы отпущения грехов и умер бы, совершив смертный грех.

Аббат—Давайте говорить серьезно, Дидро!

Дидро—Но мы только это и делаем.

Аббат—Напрасно вы возражаете и спорите. Вы никогда не заставите толпу, повторяю это еще раз, отказаться от ее склонности к сверхъестественному. Так уж устроен человеческий ум. По самой своей природе он стремится к тому, что выше его, выше его понимания...

Дидро—Да, ко всему, что ослепляет и очаровывает. Толпа любит все чудесное, и чем чудо более необыкновенно и непонятно, чем более оно похоже на сказку, тем больше удовольствия и наслаждения оно доставляет толпе. Но мы, философы, старающиеся видеть все в возможно более ясном свете,—что, признаюсь, довольно-таки трудновато,—мы работаем над тем, чтобы на свете оставалось как можно меньше одураченных людей. Мы считаем, что самая большая услуга, которую можно оказать людям, это научить их пользоваться своим разумом, научить их считать истинным только то, что ими проверено и констатировано. Вы, конечно, согласитесь, не правда ли, что чем образо-

вашее и культурнее становится народ, тем его вера в сверхъестественное все больше слабеет и исчезает. Степень веры в сверхъестественное всегда определяется степенью цивилизации. Посмотрите на дикарей, встреченных Бугенвиллем. У них все—только колдовство, магия, волшебство, чудо. А ведь чудеса у нас стали редким товаром, дорогой аббат, несмотря на нашу пристрастие к чудесному и непонятному. Но везде, где верят в чудеса, они есть, и чем больше в них верят, тем их больше. Не правда ли? Видите ли, аббат, когда вступаешь в область сверхъестественного, никаких границ уже больше не существует, и ты не знаешь, куда идешь и что встретишь. Один утверждает, что 5-ю небольшими хлебами накормил 5 тысяч человек. Прекрасно! Но завтра другой будет уверять вас, что он одним маленьким хлебом накормил 50 тысяч, а послезавтра третий накормит воздухом 500 тысяч. Ладонки, носимые на шее, и другие амулеты охраняют нас от всякого несчастного случая и излечивают от всех болезней. Когда хотят ослабить припадки одной из этих одержимых, так называемых „бесноватых“, прибегают к самому верному средству: клистиру из святой воды. Во многих наших деревнях достаточно пронести мощи какого-нибудь святого, несколько обломков костей,— в Бургундии, например, мощи святого Потенция,—чтобы выглянуло солнце или пошел дождь, стало бы жарко или, наоборот, холодно. А как вам нравится святой Дионисий, который шествует, держа в руках свою отсеченную голову, явление, которое святой Савиниан спешит заимствовать после того, как его обезглавил Аврелиан. А святой Николай, который начал поститься со дня своего рождения: по средам и пятницам он сосал грудь своей кормилицы только раз в день. А эта благочестивая знатная дама, которая, забеременела в отсутствие мужа, но святая, имя которой она носила, свершила с божьей помощью чудо: у дамы не только исчезла беременность, но беременность эта перешла на упомянутую святую,—не помню уже святую Пелагею или какую-то другую,—которая таким образом изила на себя грех или по крайней мере последствие греха. А что вы думаете о двух черепах святого Панкратия, память которого почитается и празднуется в двух соперничающих друг с другом приходах: один череп принадлежит Панкратию, когда ему было 22 года, а другой его череп, когда ему было 36 лет? Нет ничего более развлекательного, дорогой аббат, чем чтение жития святых, и у меня часто было желание описать все это... Но это уж сделано; мы имеем Золотую легенду.

Аббат—Но никто не заставляет вас верить ей.

Дидро—Позвольте! Этот вздор преподносят нам ваши самые знаменитые агнографы.

Аббат—Это не догматы веры.

Дидро—Ну вот! вы уже и отступаете, аббат, вы прячетесь. Если можно выбирать между всеми вашими чудесами..

Аббат—Конечно можно и даже должно.

Дидро—Подите внушите это нашим сельским священникам. Сколько у них этих самых святых Потенциев. И все ваши непреложные догмы: ваш бог в трех лицах, ваша злые ангелы, которые восстают против своего творца и пытаются свергнуть его с трона; ваша Ева, созданная из ребра Адама; ваша пресвятая дева, которую посещают молодой человек и голубь и которая становится беременной, но не от молодого человека, а от птицы; пресвятая дева, которая родит и остается девственницей; этот бог, который умирает на кресте, чтобы умиловать бога, а затем воскресает и возносится на небо (куда, на небо?),—все это, дорогой аббат, мифология, язычество, всему этому та же цена, что и мифам об Уране, Сатурне, Титанах, о Минерве, выходящей в полном вооружении из головы Юпитера, о Юноне, забеременевшей от Марса только потому, что она вдохнула запах цветка, об Аполлоне-Фебе, управляющем колесницей солнца.. Все это один и тот же бред. Наш друг Гольбах охотно заявляет, что „сверхъестественное его не интересует“. Оно ничего не говорит ему: это абберрация и бред. Думать, что простыми словами, т. е. шевеля воздух кончиком языка, можно изменить законы вселенной и то, что называют веления судьбы,—разве это не безумие, в самом деле?

Аббат—Да нет же, философ, нет! Ведь эти слова обращены к существу всевышнему, всемогущему, бесконечно совершенному, бесконечно доброму отцу, который выслушивает их и отмечает..

Дидро—И который внимает им. Пусть будет так! И вот вам пример: несчастная женщина, которую мы видели в церкви Сен-Рош. Но где же доказательство, что он вас слышит, этот столь добрый и милосердный отец, к которому вы обращаетесь за помощью? Никто не имеет его, этого доказательства. Что касается меня, я был бы действительно рад получить его. Но нет ничего, и так всегда, всегда одно непостижимое и нерушимое молчание. Какой-то правитель области, а может быть даже епископ или кардинал,—я уже не помню теперь,—упрекал другого епископа за то, что он нарушил его инструкции: „Монсеньер.—ответил тот с благородной уверенностью,—я молился, я просил ответа у бога, я обращался за советом к распятию...“ — „Ну, и надо было, дурак, делать то, что сказал тебе бог и твое распятие!—прервал его первый.—Т. е. сидеть тихо и ничего не делать“. Бог. Ведь это просто слово, один обыкновенный слог для объяснения существования мира. И заметьте при этом,

что в общем это слово ничего не объясняет: т. к., если вы мне возразите, что ни одни часы не были сделаны без часовщика, я спрошу у вас, а кто же сотворил этого часовщика, и таким образом мы окажемся снова на том же месте, вернее, на одном и том же вопросительном знаке.

Аббат—Однако, Дидро, разве вы сами не провозглашали некогда существование этого часовщика?

Дидро—„Провозглашали“—слишком сильное выражение.

Аббат—Но по рукам ходило одно ваше письмо: „Я верю в бога, хотя и живу в мире с атеистами...“

Дидро—Письмо к Вольтеру... Это, чтобы доставить ему удовольствие... Что же, вы видели эту мазню? Вот что со мной происходит, аббат; когда я нахожусь среди атеистов, если имеются атеисты, то мне приходят в голову все доказательства в пользу бытия бога, когда же я бываю среди верующих, происходит обратное: во мне совершенно произвольно возникают все аргументы, опровергающие, подрывающие и разрушающие понятие о божестве.

Аббат—После этого признания вы не будете отрицать, дорогой Дидро, что в вас сидит дух противоречия.

Дидро—Конечно, противоречие, или, по крайней мере, возражение, есть стимул, услада и приправа всякого разговора. Если бы мы все были всегда одного мнения, как все было бы однообразно, скучно и плоско! На земле невозможно было бы жить. Различие мнений также необходимо и неизбежно, как и разнообразие лиц и характеров. Нужно это признать и нужно согласиться, как необходимо признать, что то, что нравится одним, не может нравиться всем другим. Но нет, не думайте, дорогой друг, что доводы против тезиса моего собеседника возникают у меня в голове только в силу моей тщеславной любви к возражению. Это просто свойство моей природы, странность, которую я констатирую, которой я подвержен, но которую я не могу объяснить, как хотите, но это так.

Аббат—Подумайте, какие преимущества дает вам вера! Если бы вы верили...

Дидро—Конечно, тогда все эти противоречия исчезли бы. Это мысль Паскаля; истинна или ложна наша святая религия, вы ничем не рискуете, считая ее истинной, но вы рискуете всем, считая ее ложной. Но еврей может сказать то же самое, мусульманин и гугенот тоже. Это—седло, которое подходит всем лошадям, это—кресло цирюльника, пригодное для всех задов. К несчастью, дорогой аббат, я не обладаю этим целебным средством, этой панацеей, которую вы называете верой, т. е. способностью верить в такие вещи, про которые мы знаем, что они явно ложны, немыслимы и невероятны. Для меня стол является только столом, стул только стулом, хлеб только хлебом и вино

тоже только вином. И я не могу сказать, что это отсутствие неры меня очень беспокоит, что оно гнетет, волнует, отравляет и мучит меня днем и ночью, и что я теряю от этого способность пить и есть. Увы, нет! Я не могу это сказать, т. к., наоборот, это неверие или незнание совершенно не нарушает моего спокойствия и равнодушия. Но утверждать и защищать некоторые вещи, которые недоступны нашему разуму, и которые совершенно ускользают от нашего понимания, уверять, что это истина, и упрямо провозглашать их,— вот что кажется мне столь же дерзким, как и смешным. Но если это сверхъестественное стараются навязать другим, что случается всегда с теми людьми, которые уверены, что они одни владеют дарованным свыше знанием, абсолютной истиной, истиной, от которой зависит наше вечное блаженство,— тогда... „Думай как я, иначе бог осудит тебя на вечную муку! Думай как я, иначе я тебя убью“. Вот обычное заключение и окончательный вывод из слов этих людей. Разве библия и второзаконие Мойсея не призывают убивать тех граждан, которые не разделяют наших религиозных верований?: „Брат ли, сын, дочь, мать, супруга, — не делай ни для кого исключения! Не спорь с ними! Убивай их немедленно!“. Ясно и откровенно. Замечательная программа и составлена она от имени бога! Заметьте, аббат, что, предлагая таким образом кому-нибудь переменить веру, вы требуете от него поступка, который сами отказываетесь сделать. Что же это за логика, а?

Аббат—Но...

Дидро—Я знаю, я предугадываю, что вы мне скажете. Вы хотите сказать, что ваша вера хороша и истинна, что это единственно хорошая и единственно истинная вера, тогда как моя не стоит и выведенного яйца. Помните письма, которыми обменялись когда-то папа и герцог де-Сюлли? Святой отец поздравлял министра-гугенота с успехами его политики и прекрасного образа правления и заканчивал свое письмо подобно доброму пастырю, который хочет вернуть в стадо заблудшую овцу, заклиная герцога не отвращать глаза от божественного света, понять, где находится истина, и вернуться в лоно церкви. „Это именно то, о чем я тоже каждый день прошу небо, когда молюсь за вас,— ответил ему Сюлли,— и никогда не перестану просить небо об обращении вашего святейшества в истинную веру“.

Аббат—Какой цинизм!

Дидро—Да, так ответила овца пастырю.

Но вернемся... вернемся к нашим овцам! Если хорошенько подумать, то разве бог является нам как-нибудь иначе, чем только в воздаваемом ему нами поклонении? Видели ли Вы, аббат, чтобы он обнаружил себя как-нибудь иначе?

Аббат—Но, дорогой философ, нужно только открыть глаза и видеть. Вся природа...

Дидро—Тогда слепые, которые никогда ничего не видели, не могут представить себе...

Аббат—Оставим слепых.

Дидро—Ну, а что касается нас, зрячих, то разве не одни наши молитвы, не одни наши приношения, не одни наши религиозные церемонии, вы слышите аббат, не они одни свидетельствуют нам о существовании бога? И я не скрою от вас, что для меня и некоторых других этого недостаточно. Нам хотелось бы, чтобы эти свидетельства исходили не всегда только от нас, но хотя бы изредка от самого бога, которого так прославляют и величают, которому так поклоняются и которого так покорно просят.

Аббат—Эти свидетельства были некогда. Они записаны в священных книгах.

Дидро—Да. Но ваши священные книги—не книги вашего соседа: все они различны. И потом, мне очень бы хотелось самому присутствовать и самому констатировать... Так как, в конце концов, от имени бога говорят всегда люди, люди, которые претендуют быть представителями всевышнего на земле. Но эти уполномоченные никогда не предъявляют нам своих верительных грамот, никогда!

Аббат—Напротив! Вы только упорно отказываетесь видеть их.

Дидро—Но я только этого требую, и сверх того, чтобы эти грамоты были немножко ясны, точны и убедительны, а такими они, увы, никогда не бывают. Заметьте еще следующее, что вовсе не служит к славе божьей, славе такого бога, каким он нам представляется по крайней мере: везде, где признают бога, существует культ, а повсюду, где есть культ, там нарушен естественный порядок нравственных обязанностей человека.

Аббат—Нарушен? Как так?

Дидро—Безусловно. Пропустить в воскресенье обедню или съесть в пятницу кусок баранины—более тяжкое преступление, чем украсть кошелек у соседа или обесчестить его дочь. И это понятно. В первом случае вы оскорбляете самого бога, во втором—только вашего ближнего. Вы читали историю пастуха из окрестностей Неаполя, который при случае, но довольно часто, занимался разбоем, и который на исповеди признавал себя виновным только в том, что он нарушил пост, проглотив по ошибке немного скоромного. О всех его грабежах, покушениях и убийствах на исповеди ничего не говорилось. Все это не шло в счет. А вот другой, весь выпачканный кровью, только что брызнувшей из-под его кинжала, он стыдился, что съел в пятницу немножко хлеба с салом. У нас, чтобы попасть прямо в рай, достаточно получить отпущение грехов перед смертью, какова бы ни была наша жизнь, и какие-бы постыдные и гнусные дела мы ни совершили. У индусов достаточно умереть на бере-

гу Ганга или достаточно, чтобы ваш прах был брошен в эту реку,—и вы спасены и сразу допущены в рай. Видите, дорогой аббат, как эта мысль о боге и геенне огненной искажает и нарушает весь ход наших рассуждений. Разве не эта мысль, как говорит об этом „Дух законов“, заставляет нас считать безразличным то, что действительно необходимо, принуждая нас рассматривать как необходимое то, что является или должно быть для нас безразличным? Разве не она толкает нас на убийство десятков тысяч людей только потому, что они верят иначе, чем мы? Вальдезы, зльбигойцы, Варфоломеевская ночь, инквизиция, драгоннады и т. д. и т. д.—вот доказательство этого. А человеческие жертвоприношения, цель которых умиловить высшее существо, бога благости и милосердия? Вы сами писали, аббат,—я вспоминаю одно из ваших сочинений: „Долгое время не знали лучшего средства отвратить гнев божий, как пролить перед жертвенником человеческую кровь...“

Аббат—Речь шла о язычниках.

Дидро—Мы не изменились. Мы сожгли достаточное количество евреев и замучили достаточное количество неверных... Так что один из ваших собратьев и соревнителеев, аббат, де-Лонгрю, который изучал историю халдейцев и историю древней Франции, как вы—историю греков, полагает, что если судить по тому, сколько крови было пролито религиями, то они принесли больше зла, чем добра.

Аббат—Де-Лонгрю—ученый, согласен с этим, но он—сумасбродная голова. Во всяком случае, дорогой философ, каковы бы ни были эти религии, без них вы не обойдетесь.

Дидро—Мы не можем обойтись без них?

Аббат—Нет, и вы это никогда не сможете: народ всегда будет нуждаться в каких-нибудь обрядах при браках и рожденьях, в погребальном пении, в трауре при погребении мертвых, в святой воде для окропления могил. Иначе он боялся бы слишком походить на животных, которые совокупляются и умирают без всяких обрядов и трупы которых выбрасывают потом на навозную кучу.

Дидро—Позвольте, аббат! Разве мы не родим совершенно так же, как и животные? Разве мы не дышим и не едим, как они? Разве мы не схожи с ними во всех отправлениях нашего организма? Разве Соломон не учит нас, что природа человека ничем не отличается от природы животного, и что после человека остается не больше, чем после животного? К чему же такое резкое разграничение и это презрение? Животные являются и должны быть для нас низшими братьями, у которых, правда, несколько меньше разума, но те же потребности, те же желанья, те же страсти... Неужели, по-вашему, мы должны отказаться от еды, чтобы не походить на скотов? По-вашему,

чтобы не походить на животных, мы не должны были бы есть?
Аббат—Мы должны стараться не походить на них в дурном. Мы должны стараться, по возможности, возноситься нашими помыслами к небу.

Дидро—А также нашими взорами.

Аббат—Ну, конечно!

Дидро—Меня занимает и смущает еще другой вопрос. Миллионы и миллиарды звезд носятся в бесконечном пространстве и обитаемы, подобно нашему маленькому земному шару. Так думают, по крайней мере. Неужели обитатели этих миров также совершили первородный грех или оригинальный грех.—да, да!—оригинальный, — и нуждаются в искупителе-мессии, в деве, которая рождает?..

Аббат—Вы слишком много хотите знать, дорогой философ. Для таких любопытных, как вы, и создан был ад.

Дидро—Вы шутник. Вы принимаете меня за Демаи.

Аббат—Нисколько. Но так как вы сами признаете, что все эти вопросы обсуждаются безрезультатно уже с самого основания мира, я вас спрашиваю; какая польза продолжать спорить об этом?

Дидро—На этот раз, аббат, вы сказали золотые слова. Мы попусту теряем время. Паскаль предупреждал нас об этом: всякий философский спор, даже вся философия, не стоит и часа труда.

Аббат—Да, что касается человеческой и земной философии. Но...

Дидро—А теология, она в тысячу раз хуже!

Аббат—И все-таки человек инстинктивно и неизбежно обращает и будет обращать свои взоры к небу. Его стремления к потустороннему никогда не покинут его и не угаснут. И заметьте, между прочим, что мы, христиане, обладаем твердым руководством для нашего поведения: мы имеем свод догматов, кодекс или, точнее говоря, катехизис. А у вас этого нет, не может быть.

Дидро—Так! Так!

Аббат—Да, не может быть. Нельзя создавать законов, нельзя учить людей, имея в запасе только отрицания и сомнения. Чтобы учить людей и составлять своды законов, надо иметь ряд бесспорных положений и в особенности тогда, когда речь идет о том, что затрагивает нас всего ближе, о вековых и самых насущных для нас вопросах: о нашем происхождении, о создании человека, о сотворении мира...

Дидро—В шесть дней с отдыхом на седьмой.

Аббат—У нас есть катехизис и в этом наша сила.

Дидро—У вас имеются также обряды, о которых вы только что говорили, крестные ходы, праздники, песнопения, органы, всякого рода музыка, все эти замечательно искусно поставленные зрелища, цель которых привлечь, пленить и покорить толпу. Вот еще одна из причин вашего успеха и вашей силы. Я не

закрываю глаза ни на одно из ваших преимуществ, дорогой аббат. Но мы, философы, мы не будем отрицать и наших и констатируем, что и мы делаем успехи, и большие, неоспоримые успехи. Недавно отец Хун рассказывал мне в Гранвале, что он видел в одной швейцарской деревне, где католический священник куда-то отлучился или заболел, как протестантский пастор выполнял обязанности этого священника; вечером он обучал католических детей их катехизису, а утром преподавал закон божий маленьким протестантам: все это происходило в одном и том же помещении, которое служило, таким образом, одновременно или, точнее, поочередно то костелом, то киркой?

Аббат—Но я думаю, что этот пастор не дошел до того, чтобы решиться служить обедню?

Дидро—Нет еще, но мы придем и к этому. Терпимость постепенно внедряется и пронюкает всюду. Католики и гугеноты перестают сжигать друг друга. Это уже нечто! А так как терпимость неизбежно ведет к равнодушию, я считаю, что христианство продержится еще не больше двух-трех веков.

Аббат—Разрешите ему прожить немного дольше. *Tu es Petrus, et super hanc petram...*

Дидро—Увы! нет. На земле нет ничего вечного. Монтеские считает, что вы просуществоете еще максимум 500 лет. Шотландец Жан Крэг, умерший, правда, уже полтора столетия тому назад, определил этот срок в 1350 лет. Что касается меня, то я не так великодушен: я дарю вам только 200—300 лет. Но быть может я неправ, и вы заслуживаете большего срока существования. Непреложно только то, что на нашем земном шаре все преобразуется и изменяется, все увядает, блекнет, потухает, умирает и исчезает. Это общий закон, и вы от него никуда не уйдете, несмотря на все ваши пророчества и ваше: *Tu es Petrus*. И как вы уже спустились с ваших высот! Где то время, когда, благодаря вашим папам и их влиянию и весу, вы были хозяевами мира? А разве до вас Юпитер не восседал на своем Олимпе, окруженный сонмом богов? Он так мудро царствовал и был так могущественен, что во время Триентского собора, т. е. всего-навсего два века тому назад, два ученых еще констатировали его бытие и зывали к нему о помощи,—это в самом-то Триенте. „Что бы они ни говорили и ни делали там... рано или поздно мы будем вынуждены вернуться к тебе. Да, Юпитер, мы верим в тебя! Но когда ты снова займешь свое место и снова примешь верховную власть, то и ты не забудь о нас. Соблаговоли, о Юпитер, вспомнить тогда, что мы остались верны тебе!“

Аббат—Что же?—Мечтатели и фанатики!

Дидро—Да. Конечно. Но что касается мечтателей и фанатиков, господин аббат, то пальма первенства принадлежит безусловно

вам и вашим собратьям. И если припомнить все превращения, через которые прошла ваша церковь со времени святого Петра, если установить, насколько она отлична теперь от той, какой она была вначале,... сам святой Петр не узнал бы ее, вы это знаете не хуже меня. И вы знаете также, что этот кодекс или катехизис, который составляет вашу силу, представляет собой ткань, сотканную из нелепости, лжи...

Аббат—Из чего вам угодно, дорогой философ. Но эта ткань крепка от начала до конца. Она составляет надежное целое.

Дидро—Надежное!

Аббат—Для масс этот катехизис достаточен: они найдут в нем ответ на все. А вы, господа энциклопедисты, вы не отвечаете и не можете ответить ни на один из больших вопросов, которые мучают человеческий ум: „Как был создан мир? Кем? Что такое бог? Каким образом появился на земле человек и пр“. Но вас, философов, или, по крайней мере, большинство из вас, я не обвиняю в том, что вы преисполнены гордостью и чванством. Нет, наоборот. У вас всегда на устах только ваше: Я не знаю, не ведаю..."

Дидро—Это правда, и со мной это бывает чаще всего. Вот вы, аббат, вы поступаете как раз наоборот; вы всегда все знаете и никогда ни в чем не сомневаетесь.

Аббат—Именно.

Дидро—Вы постоянно утверждаете вещи, которые наука все больше и больше опровергает.

Аббат—Человеческая наука!

Дидро—Не говорите о ней плохо! Вы сами прибегаете к ней в ваших рассуждениях и спорах. Никто не должен был бы хулить науку, и меньше всего вы, аббат, вы, который живете среди ваших книг и рукописей, ваших нумизматических коллекций и всех прочих остатков греческой и римской древности. Вы знаете, как вас уважают те, которых вы называете энциклопедистами?

Аббат—Я знаю, Дидро, что вы чрезвычайно снисходительны и что у вас чувствительная и нежная душа.

Дидро—И верите ли, дорогой друг, иногда мне кажется, что кроме глубоких познаний, вы обладаете еще и слишком большим здравым смыслом, чтобы не знать цену католическим догматам и не иметь, подобно мне, своего собственного мнения обо всем этом. Вы, конечно, не признаетесь и в глубине души будете считать меня ужасно нескромным..., но скажите мне, наконец, почему вы католик?

Аббат—Как почему?

Дидро—Да, почему?

Аббат—Но...

Дидро—Ну, тогда я сам вам скажу. Это случилось единственно

потому, что вы родились во Франции и воспитывались и „кормились“ у католиков. Именно поэтому. Преположите на минуту, что вы родились у антиподов, в Занзибаре, в Натале или в Патагонии и посмотрите, что произошло бы в подобном случае. Тогда вы не были бы, быть может, даже евреем, лютеранином, кальвинистом или мусульманином, но вероятнее всего буддистом, браманистом, идолопоклонником или зверопоклонником! Кто знает! Выбор большой. Видите, дорогой аббат, все это дело географической широты, дело случая, удачи.

Аббат—Вы правильно выразились, Дидро: удачи. Пусть будет так! И я пользуюсь ею, этой удачей.

Дидро—На здоровье! Но согласитесь со мной, что самое важное для человека, спасение его души, другими словами его религия, зависит исключительно от удачи, от прихоти судьбы. Где же заслуги?

Аббат—Потому я и благославляю провидение.

Дидро—И вы правы, аббат. Я, как неверующий, лишен этой удачи... Но простите меня! Простите мне мои вопросы!.. Вы знаете, я очень не сдержан и говорю все, что приходит мне в голову.

Аббат—Что касается меня, то я живу вдали от всяких споров. Я работаю и общаюсь больше с мудрецами Афин и Рима, и даже Палестины, чем с моими современниками.

Дидро—Работать!—Да! Вот наш жребий и наше назначение здесь, на земле! Стараться оставить после себя больше знаний и счастья, чем их было раньше, исправлять и умножать полученное нами духовное наследство,—вот над чем мы должны трудиться! И добавлю: надо делать возможно больше добра и избавлять возможно большее число людей, всех встречаемых на нашем жизненном пути, от страданий. Прежде всего надо быть добрым. Труд и доброта—вот мои единственные догматы веры, аббат. Остальное... Мне нет дела, мне нет никакого дела до всего бесконечного, так же как и Гольбаху. Когда и кем был создан мир? Где мы будем после нашей смерти? Что будет с нами? Все эти вопросы, которым вы придаете такое большое значение, нисколько не мешают мне спать. И никому, вот уже сотни и тысячи веков, не только не удалось их разрушить, но даже хоть немного уяснить. Итак!.. Бог, душа, загробная жизнь,—я верю, и не верю в это. Я отбрасываю эти вопросы, я живу этой жизнью и вместе со Спинозой считаю, что всякое размышление о потустороннем и о смерти—бесполезное, тщетное и унижительное занятие.

Аббат—О, мой бедный Дидро! Как мы с вами не сходимся. Наоборот, разве истинная мудрость не есть вечное размышление о смерти, как поучительно доказал нам это Бурдалу?

Дидро—Да благословит его бог! Что касается меня, то мой взгляд недостаточно остр и зорок, и я ограничиваюсь настоящим, тем,

чем я есть, и тем, что я вижу, и оттого, что я не узнаю, что думать о существовании верховного существа и о бессмертии души, я испытываю огорчение не больше, чем от того, что у меня нет двух голов, трех рук или четырех ног. Я беру жизнь как она есть, стараюсь, насколько могу, жить честно и по возможности удобно и приятно. И если когда-нибудь позднее я должен буду встретить какого-то судью по ту сторону Стикса, что, признаюсь, я совершенно не ожидаю, я доверюсь его мудрости и милосердию. Он не накажет меня за мое незнание и смирение и тем более за мою искренность. Иначе я имел бы право ответить ему: „Господи! Нужно было выразаться яснее. Винават ли я, что не умею отгадывать загадок? Мог ли я думать, что для того, чтобы найти путь во мраке, в который ты меня поверг, я должен был с самого начала потушить мой фонарь, мой единственный светоч, этот ничтожный огарок, этот бедный, слабый разум, которым ты же меня одарил?